

Т е р р о р и з м в социологическом и з м е р е н и и

Женщины и террор: участие женщин в террористическом движении

Ильченко Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук, Школа гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток

E-mail: ilchenjo.oyu@dvfu.ru

Женщины и террор: участие женщин в террористическом движении

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.402](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.402)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема участия женщин в террористической деятельности. Одной из отличительных черт новой волны терроризма, начавшейся с конца XX века и продолжающейся до сих пор, является активное привлечение женщин к террористической деятельности. В статье приводится анализ социологических исследований, посвящённых участию женщин в терроре, описывается социальный портрет женщины-смертницы. Кроме того в статье раскрываются особенности мотивации женщин, участвующих в террористической деятельности. В научной литературе существуют два прямо противоположных мнения по поводу мотивов поведения женщин-террористок: одни ставят знак равенства между женской и мужской мотивацией терроризма, другие считают, что природа женского терроризма значительно отличается от мужского. При этом многие объяснения используются как штампы, переходящие из одной публикации в другую. На основе данных социологических исследований автором предложены две группы мотивации женщин-террористок. Показано, что в первую группу объединены мотивы самостоятельного решения женщин о присоединении к террористическому движению (особенности психоэмоциональной сферы, желание заработать, развитие феминизма и стремление к самоутверждению). Вторую группу составляют мотивы принудительного вступления женщин в террористические организации (шантаж, прямое принуждение мужа, религиозного лидера, манипуляции желанием отомстить за потерю близкого человека, наркотическое и психотропное опьянение). Автор приходит к выводу, что независимо от особенностей мотивации женщин-террористок, смертницы – это люди, которым уже нечего терять, ничего в этой жизни для них не является ценным. В современном мире использование женщин стало элементом технологии террористической войны, поэтому следует искать пути профилактики вовлечения женщин в терроризм, сосредоточиться на том, чтобы не допустить вербовки новых женщин.

Ключевые слова: терроризм, женская преступность, женщины-террористки, террористы-смертники, гендер

В современном мире угроза терроризма прочно вошла в общественную жизнь и является острой социальной проблемой. Сообщения о подготавливаемых угрозах, о произведённых террористических актах поступают почти ежедневно, всё чаще участниками террора становятся женщины. В январе 2016 г. средства массовой информации сообщили, что правоохранители предотвратили крупный террористический акт. В Ростове-на-Дону по подозрению в подготовке террористического акта задержаны три девушки и молодой человек, готовившие взрывы в общественных местах [В Ростове задержали... 2016]. Соотношение полов «три к одному» – не закономерность, всё же подавляющее число участников террористических формирований составляют лица мужского пола. Однако с самого начала развития террористической деятельности женщины принимали в ней активное участие, которое не ограничивалось только второстепенными ролями, зачастую они становились лидерами организаций и являлись генераторами преступных идей [Ильченко 2015].

После распада Советского Союза и с началом чеченской войны терроризм захлестнул Россию. По мнению учёных, новая волна терроризма, начавшаяся с конца XX века и продолжающаяся до сих пор, имеет несколько отличительных характеристик [Weinberg 2011]. Во-первых, религия является основным фактором в активизации новых террористических групп. Во-вторых, если ранее террористы старались убивать людей выборочно, новые террористы стремятся к публичности, хотят, чтобы «многие люди видели, как немногие погибают» [Weinberg 2011: 38]. Иными словами, современные террористы совершают масштабные убийства, о которых узнаёт огромное количество людей (например, атаки в Нью-Йорке 9/11). В-третьих, террористические кампании почти всегда разработаны так, чтобы привлечь внимание большой аудитории, современный терроризм широко использует новые формы общения, предоставленные в сети Интернет. Так, ролики, которые снимают и транслируют террористы, по качеству и наличию спецэффектов можно сравнить с фильмами, снятыми в Голливуде. В-четвёртых, новые террористы стремятся завладеть оружием массового поражения. Однако особым отличием совершения современных терактов является использование террористов-смертников.

Именно эта особенность стала причиной активного привлечения женщин к террористической деятельности. Как подчёркивает В. Г. Малышев, «на рубеже XX и XXI веков террористические структуры стали всё чаще задействовать женщин-самоубийц» [Малышев 2005: 1].

Привлечение женщин-смертниц к совершению террористических актов, с точки зрения их организаторов, имеет ряд очевидных преимуществ. Они, как правило, носят более

С самого начала развития террористической деятельности женщины принимали в ней активное участие, которое не ограничивалось только второстепенными ролями, зачастую они становились лидерами организаций и являлись генераторами преступных идей.

громоздкую одежду, чем мужчины, которая позволяет им лучше скрыть бомбы. Женщина может быть беременной, что имеет особую, двойную «выгоду»: сотрудники службы безопасности зачастую неохотно идут на задержание беременных женщин, что позволяет потенциальным террористкам-смертницам скрыть оружие. В целом то обстоятельство, что «женщины вызывают меньше подозрений, чем мужчины в одинаковых условиях», не раз использовали представители различных террористических организаций. В результате в среднем террористки-смертницы одним действием убивают больше людей, чем их коллеги-мужчины [O'Rourke 2009].

В России особую активность проявили женщины-террористки на Северном Кавказе. Вайнберг отмечает: «Чеченские националисты начали активно бороться за независимость республики после распада Советского Союза в 1991 г. Попытка отделения частично носила религиозный характер, возглавляемая мусульманскими сепаратистами под влиянием идей воинствующих ваххабитов, почерпнутых из Саудовской Аравии. Под руководством сепаратистов террористические атаки стали совершаться как внутри, так и за пределами Чечни» [Weinberg 2011: 39].

Следует отметить, что научных исследований о современных женщинах-террористках, особенно раскрывающих социологическую составляющую проблемы, немного. В одном из них Анне Спекхард и Харта Ахмедова на основе авторского исследования приводят социальный портрет женщин-смертниц, принимавших участие в чеченском конфликте. Согласно данным авторов, средний возраст террористок-смертниц составляет двадцать пять лет (возрастной диапазон от пятнадцати до сорока пяти лет). Особый интерес, на наш взгляд, представляет семейное положение женщин. Так, по данным А. Спекхард и Х. Ахмедовой, общепринятое стереотипное определение чеченской женщины-террористки как «вдовы» не имеет под собой оснований. Согласно данным, полученным авторами, менее четверти женщин (23%) были вдовами [Female Suicide... 2006]. Далее, сравнив семейное положение женщин и мужчин-террористов, авторы обнаружили, что 12% мужчин и только 3% женщин состояли в браке на момент совершения террористического акта, однако в обоих случаях в их семьях имелись дети, что находится в прямом противоречии с практикой ливанских и палестинских террористических групп, которые предпочитают отправлять на смерть не состоящих в браке бездетных мужчин [Female Suicide... 2006].

Кроме того, согласно данным исследования учёных, террористки имели достаточно высокий уровень образования. Так, большинство женщин-террористок закончили среднюю школу (65%), другие (25,1%) получали или уже имели высшее образование [Female Suicide Bombers 2006]. По нашему

Террористки имели достаточно высокий уровень образования. Так, большинство женщин-террористок закончили среднюю школу (65%), другие (25,1%) получали или уже имели высшее образование.

мнению, данные об образовании наглядно демонстрируют, что представление о террористках как о женщинах с невысокими умственными способностями неверно. Напротив, степень образованности женщин позволяет нам сделать вывод, что интеллектуальное развитие женщин находилось в пределах нормы.

Социально-экономический статус женщин, по мнению А. Спекхард и Х. Ахмедовой, соответствовал среднему уровню жизни в республике (учитывая экономическую ситуацию после двух разрушительных войн). Лишь две женщины были отнесены исследователями к группе с низким экономическим статусом по сравнению с населением региона в целом. Женщины, имеющие собственное дело (около 10%), были в основном заняты в сфере торговли, что помогало им найти приемлемый предлог для длительного отсутствия. Некоторые женщины, участвовавшие в террористических актах в московском театре на Дубровке и в Беслане, сказали своим семьям, что уезжают, чтобы закупить товары для бизнеса [Female Suicide... 2006].

В другом социологическом исследовании М. А. Лактионова выделяет три категории женщин, вовлечённых в экстремистскую и террористическую деятельность [Лактионова 2014]. Так, первую категорию составляют молодые женщины от 18 до 26 лет, состоящие в «мусульманском браке» (часто не первом) с мужчинами, входившими в незаконные вооружённые формирования. М. А. Лактионова поясняет, что «мусульманский брак» заключается с соратниками погибшего мужа или мужа здравствующего, но ведущего аморальный образ жизни. Это малообеспеченные, часто безработные женщины с малолетними детьми, не имеющие высшего образования. Такие женщины вовлекаются в террористическую деятельность путём оказания им небольшой материальной помощи (покупка и доставка продуктов, медикаментов). Характерно, что, согласно исследованию Лактионовой, 1/3 из этих женщин являются русскими по национальности, хотя имеют мусульманское имя. Они стараются не брать в руки оружие, но активно оказывают пособничество членам террористических групп.

Вторую категорию, занимающуюся в основном вербовкой новых членов, составляют женщины 40–55 лет, имеющие педагогическое образование и работающие в публичных местах, что позволяет им контактировать с большим количеством людей. В свою очередь, сами женщины почерпнули идеи терроризма из общения с членами своих семей, друзьями, входящими в незаконные формирования.

Третью категорию составляют женщины, занимающиеся преимущественно экстремизмом, то есть они стремятся к возбуждению межнациональной розни и вражды. Женщины этой категории, как правило, поддерживают и развивают в социальных сетях идеи своих родственников-мужчин. Другой

причиной их экстремистских действий Лактионова называет пережитую обиду, оскорбление со стороны мужчины другой национальности.

И, наконец, четвёртую категорию составляют женщины, напрямую участвующие в совершении террористических актов [Лактионова 2014].

Вопрос о том, какие мотивы движут людьми, совершающими террористические акты, является сложным для изучения. Немногие выжившие террористы-смертники хранят молчание, либо объясняют своё поведение религиозными мотивами и/или личной неприязнью к людям других национальностей. Проведённый нами анализ научной литературы позволяет вычленить два прямо противоположных мнения по поводу мотивов поведения женщин-террористок. Сторонники первого ставят знак равенства между женской и мужской мотивацией терроризма. И. А. Ким считает, что «женщинам, как и мужчинам, свойственны одинаковые мотивы участия в террористических актах: например, защита страны, родины, месть за близких» [Ким 2006: 71]. Другого мнения придерживается В. Г. Малышев, который считает, что в большинстве случаев женщинам неинтересны политические и идеологические идеи, которые ставит перед собой террористическая организация: «...женщины сражаются и гибнут не «во имя», а «против» и «за»: против низкого статуса женщины в их семьях и обществах, против властей, которые нанесли персональное оскорбление или совершили преступление против их родных и близких, за любимого человека» [Малышев 2012: 3].

Данную точку зрения разделяет М. А. Лактионова, констатирующая, что «природа женского терроризма значительно отличается от мужского» [Лактионова 2014: 114].

Немногочисленные научные публикации, посвящённые террористической деятельности женщин, затрагивающие вопросы о причинах и мотивах их поведения, носят фрагментарный и отрывочный характер. Многие объяснения используются как штампы, переходящие из одной публикации в другую и не учитывающие социально-психологические особенности личности террористок, условий жизни, методов вербовки.

Представляется целесообразным рассмотреть две группы мотивов участия женщин в террористической деятельности. К первой группе мы относим объяснения, исходящие из того, что женщины в силу разных причин самостоятельно сделали выбор в пользу террористической деятельности (особенности психоэмоциональной сферы, желание заработать). Вторую группу, по нашему мнению, составляют мотивы принудительного вступления женщин в террористические организации (шантаж, прямое принуждение мужа, религиозного лидера, манипуляции желанием отомстить за смерть близкого).

Первую группу мотивов составляют в основном объяснения, мало чем отличающиеся от объяснений женского террора начала XX в. Удивительно, но по-прежнему широко распространёнными являются идеи, выдвинутые ещё Ч. Ломброзо о том, что женщины – более завистливые, мстительные, нравственно менее полноценные существа, чем мужчины. Если негативные наклонности женщин возбуждаются, то это может приводить к самым тяжёлым последствиям. Кроме того, биологический подход используется для объяснения поведения женщин зоологической целесообразностью. Учёными сравнивается поведение многих женских особей в животном мире, добывающих пищу и убивающих своих жертв, и поведение женщин-террористок, потерявших веру во всё и ненавидящих весь мир [Ким 2006]. Стереотипное утверждение о порочности, повышенной эмоциональности и чрезмерной агрессивности женщин настолько сильно, что И. А. Ким пишет: «В изданной в Великобритании книге «Стреляй сначала в женщин» британская журналистка А. МакДональд утверждает, что название книги позаимствовано ею из руководства Интерпола для анти-террористических спецслужб. Специалисты, по-видимому, считают женщин-террористок опаснее мужчин, потому, согласно международной практике, их надо уничтожать первыми» [Ким 2006: 72]. Далее этот же автор приводит мнение У. Лакера о том, что женщины-члены террористических структур, как правило, более мужественны, более преданны идеалам и целям организации и более фанатичны [Ким 2006]. Средства массовой информации формируют образ террористки, неспособной отвечать за свои поступки: они «ослеплены», лишены рассудка [Романов и др. 2003].

Другим распространённым мотивом террористической активности женщин считается их моральная и психическая патология, неравноценность мужских и женских черт, что приводит к обвинениям в женской несостоятельности [Романов и др. 2003]. При этом в качестве аргумента приводится всё тот же биологический подход, а именно идея о том, что для подавляющего большинства психически здоровых женщин невозможна сама мысль об убийстве невинных людей, в том числе детей, с помощью варварских террористических методов [Ким 2006]. С этой точки зрения женский терроризм выглядит как аномалия, вызванная психическими отклонениями [Ильченко 2013].

Исследователи по-прежнему, как и при объяснении женского терроризма в начале XX в., говорят о том, что к террору как осмысленному выбору женщина может прийти, посчитав достойным данный способ самоутверждения. Так, В. Г. Малышев пишет, что «террор становится для многих из них универсальным способом самоутверждения. Поэтому женщины, как правило, глубоко уверены в необходимости

Удивительно, но по-прежнему широко распространёнными являются идеи, выдвинутые ещё Ч. Ломброзо о том, что женщины – более завистливые, мстительные, нравственно менее полноценные существа, чем мужчины.

К террору как осмысленному выбору женщина может прийти, посчитав достойным данный способ самоутверждения.

и оправданности совершения терактов» [Малышев 2012: 3]. Об этом же говорит И. А. Ким: «Участие женщин в террористических актах обусловлено стремлением к обретению собственной идентичности, когда, заплатив такую цену, женщина способна уравниваться с мужчиной в общественной сфере. Неприятие обычной модели женской судьбы указывает террористке путь к обретению смысла существования. Стать членом организации – значит преодолеть отчуждённость, почувствовать себя частью целого» [Ким 2006: 72].

Вместе с тем, В. Малышев полагает, что нарастание женского терроризма обусловлено подъёмом феминистского движения, способствовавшего пониманию женщинами своей значимости, и возможностью самореализации в различных сферах деятельности, в том числе и в терроризме [Малышев 2012]. Однако данная точка зрения не поддерживается другими учёными. Напротив, М. А. Лактионова отмечает, что в России нарастание женского терроризма происходит на Северном Кавказе, в регионе, «о феминизации которого не может быть и речи, так как всё ещё сильны основы традиционного общества, где женщина – хранительница очага и мира» [Лактионова 2014: 112].

В первую группу (самостоятельный выбор женщин) можно включить мотив стремления к самоубийствам, который получает новую интерпретацию. П. В. Романов на основании анализа СМИ подчёркивает, что по-прежнему распространено мнение о склонности женщин к террористическому суициду [Романов и др. 2003]. И. А. Ким пишет, что, по мнению мусульманских женщин, совершение самоубийства – это и есть мученическая смерть за веру, которая способствует попаданию в рай, куда женщинам дорога ранее была недоступна. Возможно, это некая религиозная практика или религиозный женский опыт. Далее автор отмечает, что на самом деле в традиционном исламе отношение к самоубийцам отрицательное и, кроме того, согласно исламу, женщина имеет возможность войти в рай, не совершая героических поступков [Ким 2006].

Корысть, стремление к материальной выгоде может стать значимым мотивом участия женщин в террористической деятельности. На основании анализов материалов СМИ, исследователи отмечают, что «террористками движут корыстные соображения» [Романов и др. 2003]. Действия, выполняемые террористками, рассматриваются в СМИ не только с точки зрения выплат непосредственно смертнице, но и с помощью материальной компенсации родственникам после совершения ею террористического акта [Explanations of Female... 2009]. Иными словами, часть расчётливых женщин может сознательно участвовать в терроре, действуя ради денег.

Нарастание женского терроризма обусловлено подъёмом феминистского движения, способствовавшего пониманию женщинами своей значимости, и возможностью самореализации в различных сферах деятельности, в том числе и в терроризме.

Корысть, стремление к материальной выгоде может стать значимым мотивом участия женщин в террористической деятельности.

Общим основанием для второй группы мотивов, по нашему мнению, является то, что вовлечение в терроризм – это не осознанный выбор женщины, а результат воздействия на неё. В таком случае женщина-террористка предстаёт жертвой обстоятельств и окружающих её мужчин. Учёными подчёркивается, что во многих публикациях СМИ террористки представлены как «повинующиеся, страдательные объекты действия» [Романов и др. 2003]. И. А. Ким пишет, что «террористам очень выгодно использовать мусульманских женщин, воспитанных в атмосфере покорности и подчинения мужчине, в своих целях. Женщина в этом случае является только исполнительницей идей экстремистских организаций, возглавляемых мужчинами». И далее, что «исполнение воли мужчины – это путь женского духовного совершенства, которое может сделать её равной по добродетельности мужчине и открыть перспективы райской жизни. Мужчина оказывается не только целью женской жизни, но и средством к достижению совершенства» [Ким 2006: 70]. По мнению исследователя, речь идёт об умелом манипулировании мужчинами сознанием и телом женщин, которых «в традиционной культуре использовали в качестве механизмов по воспроизводству населения, а в настоящее время – в качестве живых машин по его уничтожению» [Ким 2006: 68]. А. Спекхард и Х. Ахмедова отмечают, что в чеченском обществе мужчины традиционно играют главные роли, а женщины являются ведомыми, что отражается и в террористической деятельности [Female Suicide Bombers 2006]. Возможно, именно поэтому женщины-террористки не взорвали бомбы в «Норд-Осте», прежде чем газ настиг их. Существует мнение, что женщины ждали указаний для взрыва и не решились привести устройство в действие без приказа [Female Suicide... 2006].

Одним из широко распространённых объяснений, подчёркивающих вынужденное участие женщин в терроре, является воздействие религии, а точнее ислама. По мнению И. А. Ким: «Роль ислама в маргинализации и обесценивании женщин велика, причём дискриминационный характер отношения к женщинам осуществляется не только с помощью религиозных ритуалов, но и посредством создания базовых мифов, догм и концептуальных схем. Женщина, изначально воспитанная в духе покорности мужчине, готова к исполнению мужских указаний, вплоть до отказа от своей жизни и совершения убийств невинных людей. В этой связи религия играет чрезвычайно важную роль в запрещении или участии женщин в террористических действиях» [Ким 2006: 70]. Следует особо отметить, что несмотря на резко отрицательные высказывания представителей ортодоксального ислама против терроризма в целом и женского в частности, всё же в ряде стран руко-

Вовлечение в терроризм – это не осознанный выбор женщины, а результат воздействия на неё. В таком случае женщина-террористка предстаёт жертвой обстоятельств и окружающих её мужчин.

водители экстремистских организаций издали специальные постановления, разрешающие женщинам участвовать в террористических актах [Ким 2006: 70–71].

Согласно исследованию А. Спекхард и Х. Ахмедовой, все террористки-смертницы разделяли взгляды воинствующих ваххабитов на момент совершения террористических действий [Female Suicide... 2006]. В то же время менее половины смертников, как мужчин, так и женщин, были религиозны ранее или воспитывались в семьях с сильной религиозной культурой. Полученные данные позволили прийти к выводу, что религиозные верования служат в качестве психологического буфера и представляют механизмы психологической защиты, когда речь идёт о смерти или других серьёзных травматических событиях. Кроме того, имеющиеся умеренные религиозные взгляды способствуют более лёгкому (менее критичному) восприятию идеологии боевого джихада, пропагандируемых им идей «мученичества» [Female Suicide... 2006].

Другим мотивом женского терроризма может стать желание кровной мести в результате потери близкого человека, мужа или брата. В таком случае вопрос сводится к возможной манипуляции женским отчаянием и беспомощностью со стороны мужчин, стоящих во главе сети террористических организаций [Ким 2006]. По мнению П. В. Романова, речь идёт о «мести чёрных вдов» [Романов и др. 2003]. Мотивом женского терроризма может стать желание кровной мести в результате потери близкого человека, мужа или брата.

Кроме того, возможным методом воздействия является наркотическое и психотропное опьянение женщин-террористок. И. А. Ким пишет, что «именно тогда, когда рассудок потенциальной смертницы затуманен наркотиками, с ней и начинают вести разговоры о том, как хорошо и почётно взорвать «неверных» и прямой дорогой «пойти в рай»» [Ким 2006: 73]. Хотя существует и обратное мнение о том, что если человека продержат несколько недель на наркотиках, то он будет вести себя неестественно и может привлечь внимание спецслужб [Романов и др. 2003].

К принудительным методам вербовки террористок можно отнести и шантаж – угрозу расправиться с родственниками женщины, а также возможно имевшее место публичное изнасилование, приводящее к тому, что обесчещенным женщинам больше нечего терять. П. В. Романов пишет, что СМИ связывают вступление женщин на путь террора с репутацией «распутниц», навлекающих «позор на весь род» [Романов и др. 2003].

Иными словами, мотивация женщин-террористок может быть внутренней и внешней. Однако в любом случае, независимо от того, какие мотивы лежат в основе участия в терроре, смертницы – это люди, которым уже нечего терять,

Согласно исследованиям, все террористки-смертницы разделяли взгляды воинствующих ваххабитов на момент совершения террористических действий.

Мотивом женского терроризма может стать желание кровной мести в результате потери близкого человека, мужа или брата.

Возможным методом воздействия является наркотическое и психотропное опьянение женщин-террористок.

К принудительным методам вербовки террористок можно отнести и шантаж – угрозу расправиться с родственниками женщины, а также возможно имевшее место публичное изнасилование, приводящее к тому, что обесчещенным женщинам больше нечего терять.

ничего в этой жизни для них не является ценным. Как и для любых убийц, им свойственна дегуманизация жертв, которые террористам представляются не людьми, а «неверными», или животными, которых убивать легко. На основании анализа материалов СМИ, единственное, что, возможно, способно остановить смертницу, – пишет П. Романов – это почитание женщин и детей своей национальности» [Романов и др. 2003: 151].

В завершении следует отметить, что неверно думать, будто террористками могут быть только кавказские женщины, одетые в хиджаб. Террористкой может стать любая другая женщина, в том числе европейской внешности. Интернациональную природу явления подтверждает наблюдающееся в настоящее время массовое привлечение женщин из европейских стран к движению «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). СМИ сообщает о сотнях завербованных датчанок, француженок и англичанок. Широкую известность получил случай задержания при попытке перейти турецко-ливийскую границу российской студентки Варвары К., рекрутированной для работы в ИГИЛ [Варваре Карауловой грозит... 2015].

Таким образом, в настоящее время проблема женского терроризма приобретает новые формы и поистине международные масштабы. Для успешной реализации превентивных программ следует переосмыслить понимание проблемы. Следует согласиться с мнением российских учёных о том, что понять мотивы женского участия в террористических действиях « вряд ли помогут стереотипные обвинения в адрес неправильных женщин, которые на самом деле являются обычными солдатами, выполняющими приказы» [Романов и др. 2003: 149]. В современном мире использование женщин (как и детей) стало новым элементом технологии террористической войны, поэтому следует не обвинять женщин в несостоятельности или порочности, а искать пути профилактики вовлечения женщин в терроризм, сосредоточиться на том, чтобы не допустить вербовки новых жертв среди женщин.

Библиографический список

Варваре Карауловой грозит до десяти лет за попытку вступить в ИГИЛ // Веб-сайт «Комсомольская правда». URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26451/3321653/> [Дата посещения: 05.12.2015].

В Ростове задержали девушек, готовивших теракты // Веб-сайт «Росбалт». URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/01/18/1480666.html> [Дата посещения: 19.01.2016].

Ильченко О. Ю. 2013. Биологические теории о преступной активности женщин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. № 4. С. 41–45.

Ильченко О. Ю. 2015. О некоторых особенностях женского терроризма в России // Преступность и социальный контроль. Сборник материалов XXVIII международной Балтийской криминологической конференции в 2 ч. Ч. 1. СПб.: ИД Алеф-Пресс. С. 159–163.

Ким И. А. 2006. Гендерное неравенство в исламе: женский терроризм // Аналитика культурологи. Вып. 2 (6). С. 66–74.

Лактионова М. А. 2014. Особенности женского терроризма: региональный аспект // Вестник АГУ. Вып. 4 (148). С. 108–116.

Малышев В. Г. Социально-психологические аспекты участия женщин-смертниц в террористической деятельности // Веб-сайт «Институт Ближнего Востока». URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/24-11-05.htm> [Дата посещения: 21.11.2015].

Романов П. В., Щербанова В. В., Ярская-Смирнова Е. Р. 2003. Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ (Дискурс-анализ газетных публикаций) // Политические исследования. № 6. С. 144–154.

Explanations of Female Terrorism. Discourses about Chechen Terrorists in the Russian Mass Media: Easy Girls, Coarse Women or Fighters? 2009. / In the book: Gender Dynamics and Post-Conflict Reconstruction / Edited by Christine Eifler and Ruth Seifert. Frankfurt am Main. Frankfurt: Peter Lang, 2009. С. 245–268.

Female Suicide Bombers: Dying for Equality / Ed. By Y. Schweitzer. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv University, 2006. 111 p.

O'Rourke L. 2009. What's special about female suicide terrorism? // Security Studies. № 18 (4). P. 681–718.

Weinberg L., Eubank W. 2011. Women's Involvement in Terrorism // Gend. Issue 28. P. 22–49.

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.402](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.402)

Women and Terror: Women Participating in Terrorist Movements

Ilchenko Oksana Yurievna

Candidate of sociological sciences, Assistant Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: ilchenjo.oyu@dvfu.ru

Abstract. This article examines the issue of women partaking in terrorist activities. A distinguishing features of the new wave of terrorism, which began at the end of the 20th century and continues to this day, is getting women actively involved in terrorist activities. The article cites analysis of sociological studies dedicated to female participation in terror, while describing the social portrait of female suicide-bombers. Aside from that, this article showcases the peculiar motivations of women who partake in terrorist activities. Academic literature features two contradictory opinions on the motives behind the behavior of female terrorists: some presume that the motivation to partake in terrorism is the same for both men and women,

while others suppose that the nature of female terrorism drastically differs from its male counterpart. In the meantime several explanations are used as “stamps” and transcend from one publication to the next. The author offers two groups of motives for female terrorists, based on data from sociological studies. It is shown that the first group incorporates motives based on a woman’s independent decision to join a terrorist movement (psycho-emotional aspects, a desire to earn some money, development of feminism and aspiring towards self-affirmation). The second group is comprised of motives which imply women joining terrorist organizations by force (blackmail, being directly forced by their husbands or a religious leader, being manipulated by their desire to avenge the loss of someone close, narcotic or psychotropic intoxication). The author comes to the conclusion that, whatever the motives may be for female suicide bombers, these are people who have nothing to lose, and for who nothing is of any value in this life. Using women in our modern world has become a technological element utilized by terrorists to wage war, therefore it is necessary to find a way to prevent women’s involvement in terrorism, and to concentrate on averting the recruitment of new women.

Keywords: terrorism, women terrorism, women suicide bombers, gender.

References

Explanations of Female Terrorism. Discourses about Chechen Terrorists in the Russian Mass Media: Easy Girls, Coarse Women or Fighters? Gender Dynamics and Post-Conflict Reconstruction. Ed. by C. Eifler, R. Seifert. Frankfurt: Peter Lang, 2009, pp. 245–268.

Female Suicide Bombers: Dying for Equality. Ed. by Y. Schweitzer. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv University, 2006. 111 p.

Il’chenko O. Y. Biologicheskie teorii o prestupnoy aktivnosti zhenshin [Biological Theories about Criminal Activity of Women]. *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra*, 2013, no 4, pp. 41–45.

Il’chenko O. Y. O nekotorykh osobennostyah zhenskogo terrorizma v Rossii [Some Features of the Female Terrorist in Russia]. *Prestupnost’ i social’ny kontrol’*. Sbornik materialov XXVIII mezhdunarodnoy Baltiyskoy kriminologicheskoy konferencii. Vol. 1. Saint-Petersburg, Alef-Press, 2015, pp. 159–163.

Kim I. A. Gendernoe neravenstvo v islame: zhenskij terrorizm [Gender Inequality in Islam: Women’s Terrorism]. *Analitika kul’turologi*, 2006, Vol. 2 (6), pp. 66–74.

Laktionova M. A. Osobennosti zhenskogo terrorizma: regional’ny aspect [Peculiarities of Female Terrorism: Regional Aspect]. *Vestnik AGU*, 2014, Vol. 4 (148), pp. 108–116.

Malyshev V. G. Social’no-psihologicheskie aspekty uchastija zhenshin-smertnic v terroristicheskoy deyatelnosti [Socio-psychological Aspects of Female Suicide Bombers to Participate in Terrorist Activities]. Institut Blizhnego Vostoka. Official website. 24.11.2005. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/24-11-05.htm> [date of visit: 21.11.2015].

O’Rourke L. What’s special about female suicide terrorism? *Security Studies*, 2009, no 18 (4), pp. 681–718.

Romanov P. V., Scheblanova V. V., Jarskaja-Smirnova E. R. Zhenschiny-terroristki v interpretativnykh modeliah rossiyskikh SMI (Diskurs-analiz gazetnykh publikacij) [Women-Terrorists in the Interpretative Models of the Russian Mass Media (Discourse Analysis of Newspaper Publications)]. *Politicheskie issledovaniya*, 2003, no 6, pp. 144–154.

V Rostove zaderzhali devushek, gotovivshih terakty [Women who were Preparing Terrorist Attacks were Detained in Rostov]. *Rosbalt*. Official website. 18.01.2016. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/01/18/1480666.html> [date of visit: 19.01.2016].

Varvare Karaulovoy grozit do desiati let za popytku vstupit’ v IGIL [Barbara Karaulova Faces up to Ten Years in Prison for Attempt to Join the Islamic State]. «Komsomol’skaja pravda» journal. Official website. 28.10.2015. URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26451/3321653> [date of visit: 05.12.2015].

Weinberg L., Eubank W. Women’s Involvement in Terrorism. *Gender Issue*, 2011, no 28, pp. 22–49.